

Лев ДУРОВ:

ВОЛШЕБНЫЙ

ДУРОВ — актер и известный, и любимый. Талант его необыкновенно нежен, тонок, искренен. В каждой созданной им роли — в каждом «его человеке» хочется сказать — он найдет такое сокровенное, что не только не оставит нас равнодушными, но обязательно глубоко тронет, вызовет наше сочувствие, понимание. И уж невозможно будет представить, что эту роль мог бы сыграть кто-то другой. В последнее время Лев Дуров занимается и режиссурой. В театре на Малой Бронной, где он работает, им поставлены спектакли «Обвинительное заключение» и «Занавески», готовятся «Жестокие игры». И режиссура его отличается этим особенным, эмоциональным, волнующим гуманизмом.

— Лев Константинович, мне кажется, что вы нашли какой-то волшебный ключ, который помогает вам открыть любой человеческий характер.

— Может быть, и нашел. Искать его в русской классической литературе и особенно у Достоевского. От Достоевского, Толстого, Тургенева пришло понимание человеческой жизни, чью тайну всякий несет в себе, в своей глубине. На протяжении всего пути любого из нас сопровождают потери. Человек стареет, следовательно, теряет молодость, силу, здоровье, себя такого, каким был, близких.

В течение своей жизни мы многого достигаем, многому радуемся. Однако верно ли мерить человека только счастьем? Душа раскрывается не менее глубоко и от печали.

Мой профессиональный «ключ» — поиск характера — состоит в том, чтобы узнать печаль моего героя, понять, способен ли он к сочувствию, состраданию.

Хороший актер — это человек, умеющий страдать за других.

— Только «хороший актер»?

— Конечно, нет. Очевидно, любой художник, не берусь судить о других профессиях. Писателя, страдающего не только другим людям, но абсолютно всему вокруг — природе, земле, лесу, каждому дереву, животному, птице, — такого писателя я знал. Это Василий Шукшин. Почему-то не могу забыть вот такой пустяковый случай. Однажды на съемках «Калины красной» решили перекусить. Что-то купили в магазинчике, в том числе продавщица взвесила несколько соленых огурцов из бочки. Расположились, едим. И вдруг Шукшин говорит: «Господи, до чего же замучили огурец по бочкам!». И правда, вид у огурцов был жалкий, перемятый, но никто не обратил на это внимания. А он обратил, даже на огурец. Теперь и такая мелочь о нем кажется значительной...

— Лев Константинович, не слишком ли пессимистична наша беседа?

— А не слишком ли много так называемого «оптимизма» в ис-

КЛЮЧ — В КЛАССИКЕ

кустве? Вот кинематографисты, к примеру, особенно хлопочут о кинокомедиях. Трагический жанр, в котором работал Шукшин, привлекает куда меньше внимания. А ведь древние греки упорвали именно на трагедии: именно катарсис в трагедиях, полагают они, очищает душу. Очевидно, это тоже необходимо в воспитании молодежи. Хорошо, что наша молодежь не знает горя, но вот когда она и знает о нем не хочет — это уже плохо. Я как-то был в Ленинграде, в Лавре, на могиле Достоевского. Недалеко расположилась группа молодежи, такие все приличные на вид, «интеллигентные». Однако они на полную мощь включили магнитофон и глупой шумной музыкой оглушали все окрест. Я несколько раз подходил к ним, пытался урезонить, что, дескать, ребята, здесь место вечного покоя, оно особенной, уважительной тишины требует, здесь могилы Достоевского и других великих людей. Но все мои чувствительные речи оставались неслышанными. Я подскокил, выхватил из магнитофона и переброшил через рез стену кладбища.

— Вы — горожанин, а вот одна из ваших первых режиссерских работ — спектакль «Занавески» — о жителях села. Выбор не случаен?

— Нет. Выбор определен любовью. Мне нравятся жители села, любовь их отношение к земле, к природе. Оно не такое потребительское, как порой бывает у нас, горожан. Жителям деревни свойственно и «оживлять» неживую природу. С какой лаской они грогают землю, касаются колосов, деревьев, трав! Однажды старый колхозник удивительно рассказывал об истории своей местности, рассказывал о событиях столетней давности так, словно был их свидетелем. Видно, он по настоящему чувствовал себя вот этим звеном человеческой цепочки, чувствовал свою живую связь с человеческой историей. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что у людей, более близких к природе, к земле, и чувства теплее. Вот и конюх Кузьма, которого я играю в спектакле «Занавески», — редкостной доброты человек.

— С чего начинается режиссер?

— С чтения пьесы. Начинаешь читать ее просто как читатель, и вдруг чувствуешь, что в тебе помимо воли заговорил режиссер. С точки же зрения режиссерской я считаю каждую пьесу ребусом. Тут главное, сумею ли я ее разгадать, проникнуть в ее глубинную суть, найти подводные течения в поступках персонажей, в высказываемых ими мыслях. Ведь в каждую пьесу заложено и много подсозна-

тельного, иногда какая-либо «отгадка» в ней бывает неожиданной и для самого автора. А возьмем классику! Каждая пьеса — кладезь.

— Вы собираетесь зачерпнуть из кладезя классики?

— Хочу поставить «Лес» Островского. В моем видении — это лес страстей человеческих.

— Ваше мнение о вашей профессии?

— Трудная профессия, с пóтом, со слезами, с периодами неудач, отчаяния. Притом все это как неперемное условие. Не будет этого, не будет и того, по чему обычно судят об актерской профессии, — аплодисментов, цветов, интервью. В нашей профессии порой ничего не значит опыт и знания. Все словно исчисляет куда-то и приходится начинать с самого начала, с нуля. Нельзя не принимать во внимание и зависимость нашей профессии от драматургии, режиссуры, партнеров, зависимость, порождающую и свои проблемы, где случается отказываться от себя, своего мнения, даже самолюбия. И результаты труда у нас неопределенны — кому-то нравится, кому-то не нравится, а третий остается просто равнодушным. Кто же из них прав? И все-таки актерская профессия дает возможность заниматься самым интересным на свете — человеком. Человеком, который живет сегодня, человеком, который жил очень давно, и даже человеком, который будет жить в далеком будущем.

— И что бы вы сказали о человеке как о предмете ваших профессиональных занятий?

— Человека определяет время, в которое он живет, ну, а дальше следует столько вариантов, сколько людей живет в данное время.

— Как вы полагаете, зачем люди ходят в театр?

— Каждый ищет в театре то, что ему недостает, — иногда вещь, иногда размышления или совпадения со своей мыслью, человеческого общения, помощи в попытке разрешить конфликты личной жизни, ответить на вечные вопросы бытия.

— А какое качество вы прежде всего хотели бы видеть в своем партнере?

— Чуткость и понимание или хотя бы стремление к этому.

Лев Константинович улыбнулся, прощаясь со мной. Улыбка была добрая, доверчивая. Его он редко наделяет своих героев. Но уж если наделяет, мы всегда видим, как богат и великодушен его так называемый «маленький» человек.

Беседу вела
Галина МАРЧЕНКО